

Иво Поспишил (Брно)

Фрагментарный роман–хроника конца 20 века («Наследие исчезнувших свирелей», «Овес на крышах» и «Деревянные пирамиды» Йиндржиха Зогаты: особенности жанра, стиля и поэтики)

✎ Ключные речи:

роман–хроника,
фрагментарность,
интерэтнический
роман–палимпсест,
мультикультурализм,
равновесие эпического,
лирического и
драматического элементов.

У раду се истражује жанр фрагментарног романа–хронике с краја 20. века на материјалу тзв. шлеске трилогије Јиндржиха Зогате *Наслеђе несталих свирала* (*Dědictví zmizelých píšťal*, 1996), *Овас на крововима* (*Oves na střechách*, 1996) и *Дрвене пирамиде* (*Dřevěné pyramidy*, 1998).

В чешской литературе конца XX и начала XXI веков творчество силезского писателя Йиндржиха Зогаты¹⁾, родившегося на границе трех теперешних государств (Чешской Республики, Польши и Словакии), занимает особое место. Необходимо сразу же добавить, что его жизненный опыт формируется в 60-е годы, в период всемирного оживления литерату-

ры и гуманистических идеалов свободы и толерантности, когда возобновляется интерес к поэтической традиции прошлого, а именно к модернизму, авангарду, а, кроме того, к более отдаленным направлениям, стилевым и поэтическим веяниям, в том числе к романтизму и барокко. Творчество Й. Зогаты многогранно с тематической и жанровой точек зрения.

1) Поэт и прозаик Йиндржих Зогата родился 6 августа 1941 г. в селе Яворжынка в Польше. Он вступил в чешскую литературу, на самом деле, два раза. В разговоре, который я с ним вел на страницах чешского литературного журнала *tvár* (*Poezie je dech*, т.е. Поэзия – это дыхание, 1995, 20, с. 9) он комментирует свои жизненные приключения следующим образом: «В течение 60-х годов составил я четыре рукописи своих сборников стихов. Издательства конца десятилетия, стремящегося к надежде

Это связано с фактом, что Зогата одновременно поэт и прозаик. В упомянутом разговоре (см. сноску 1) в журнале TVAR он, между прочим, сказал: «Поэзия – это дыхание. Дыхание – это жизнь... Прозу я стал писать только в начале 80-х годов. Она помогала мне расслабить деспотизм эпохи, в которой нельзя дышать. Поэтическая метафора, сама по себе, сгущение, сокращение, не способна противостоять внешнему террору, она его даже своеобразно усиливает». Специфической чертой Зогаты является то, что он умеет точно отделить прозу и поэзию, не смешивая их, как это обычно делают поэты, которые решили стать прозаиками, или прозаики, ставшие поэтами. Его прозаический стиль наиболее четко выражен в трилогии «Наследие исчезнувших свирелей» (*Dědictví zmizelých píšťal*, 1996), «Овес на крышах» (*Oves na střechách*, 1996) и «Деревянные пирамиды» (*Dřevěné pyramidy*, 1998).

Если говорить о жанровом обрамлении, то необходимо отметить, что силезская трилогия относится к особой генерической форме романа-хроники (романической или романной хроники), которую культивировали примерно с половины XIX века, главным образом в славянских, скандинавских и англосаксонских странах; в чешской литературе это, в частности, некоторые произведения моравских прозаиков А. и В. Мрштик, южночешского литератора Й. Голечека, известного исторического романиста А. Ирасека и др. Спецификой этого жанра является сохранение биологического, естественно-художественно преломленного времени, размер которого дается человеческой жизнью, существованием места действия, как правило, деревни или городка, слабо развитым эпическим сюжетом, описательностью и преобладающей характерологией («портретная галерея»).

после пропащей 50-х годов, эти рукописи приняли. Потом наступил 1968 год. Я подписал манифест *Две тысячи слов*. Сборники не были изданы». Следует отметить, что изменилась не только судьба поэтических творений Зогаты, но и сама его жизнь. Он происходит из силезской крестьянской семьи, из языково смешанной области, в которой бытуют польский, силезский, чешский и словацкий языки в форме разнородных диалектов. Вся семья проявляла склонность к искусству – отец Павел как музыкант и народный рассказчик, дядя Ондрей как резчик. Искусство не покидает Зогату и на его дальнейшем жизненном пути – его жена Мирка Зогатова-Фикрова (родилась в 1948 г.) художница. После второй мировой войны семья переселилась в тогдашнюю Чехословакию (Яблунков, Есеник и др.). Он учится в средней школе в Яблункове, в Брно он поступил в Сельскохозяйственный вуз (1957–1962 гг.), потом он работал в разных профессиях (ассистент в Чехословацкой Сельскохозяйственной Академии, крестьянин, референт культуры в северной Моравии и др.). После подписи манифеста *Две тысячи слов* он стал рабочим, в Брно он возвращается в 1974 г. как работник Центра городской зелени – постоянные возвращения в деревню Грчава в Бескидах, на границе Словакии, чешской Силезии и Польши, вдохновляют его по сей день. В начале нового тысячелетия он был и председателем брненского филиала чешского Общества писателей в Брно. Я познакомился с Й. Зогатой где-то к концу 70-х годов в брненском Академическом кафе, связанном с кипучей культурной жизнью довоенного Брно – в 90-е годы XX века кафе перестало действовать – как и десятки подобных культурных учреждений страны. За пивом он мне тогда подарил красивое поэтическое новогоднее поздравление: там было что-то о птицах, зернах, неотвратимо наступающей весне.

Роман-хроника наиболее часто встречается в переломные моменты бытия нации, в переходные, транзитивные периоды истории. Так, например, в XIX веке он связан с ломкой феодализма и с наступлением капитализма и, следовательно, с началом нового образа жизни, новой морали и новых ценностей; в начале XX века с доминантным конфликтом эпохи, а именно с борьбой великих держав за новое распределение мира; во второй половине XX века, а именно в его конце, с наступлением технологической революции и с постмодернизмом, с его амбивалентностью и тотальной перестройкой ценностной системы. Зогата возвращается к местам своего детства, к пограничной области, где он родился, к национально и культурно смешанной структуре, вносящей неожиданные акценты в его этику и эстетику. Хроникальная трилогия Зогаты, своего рода историософическая проза, не может не коснуться проблемы регионализма (его деревня становится центром мира, узлом космогонического мифа, как Макондо у Маркеса или Скотопригоневск у Достоевского) посредством хроникального строения, отсутствия драматической формы, свободной, некаузальной связи отдельных эпизодов и скрытого напряжения между локальным и тотальным, мифом и историей, жизнью индивидуума общности. Это напряжение выражает сущность человеческого познания: хотя автор отказывается от ценностно иерархизированной манипуляции с человеком и с историей, он все же не может полностью устранить человеческое стремление моделировать и формировать: это моделирование исходит, однако, не из насильственного приспособления, а от полного понимания хода вселенной – это то дыхание, которое Зогата отождествляет с поэзией.

Проза Зогаты, описывающая историю пограничной области между Моравией, Словакией и Польшей с первой мировой войны по конец второй мировой и позже, обрамляет, следовательно, ее поэтическое ядро, состоящее, однако, не в ритме или поэтическом языке в узком смысле слова, а в признании космических движений, в пределах которых происходит вся человеческая история как эпохальное действие и как история индивидуальной человеческой жизни.

261

Компактная структура первого тома *Наследие исчезнувших свирелей* постепенно распадается: строго разделенный локальный и тотальный мир во втором томе распадается: мир проникает в место действия и, в конце концов, ликвидирует его целостность. Метафорическая сила хроники ослабевает, заменяясь документальными словесными слоями, приемами литературы факта. Относительно жанра как высшей в поэтической иерархии категории можно подытожить, что он основан на дуальной структуре локального и тотального, что его ядром является поэтическая идея самодвижения неприкосновенной космической силы и связи человека и космоса; эта двойная структура, однако, постепенно распадается по мере того, как в место действия проникают события внешнего мира. Внутренним символом, эмблемой жанрового движения является кошмарный образ дьявола (*Lucifer = Lucifer*, факельщик), напоминающий подобные образы в хрониках некоторых авторов XIX и XX веков, именно русских (М. Е. Салтыков-Щедрин, М. Горький). В ценностной иерархии все имеет свое место, нет тут социальных детерминант: движение крыльев летучей мыши стоит в ней так же высоко, как ужасы мировой войны и стратегические шаги политиков: «Zpěv a muzika, muzika a zpěv.

V petrolejce pokuckává knot. Baby nemají s kým tancovat. Zkusí spolu. Jizba nestačí. Nechají toho. Štípy hvězd před půlnocí Měsíc dře. Andělé potají, dveřmi otevřenými do komor, dávají k dobru vlastní kůži, peříčko a ufrknou. Peřiny jsou bachraté, jen kdyby se už této noci mohlo pod každou peřinou sejít víc noh než dvě. Hromští chlopi, chytají blechy v okorech. Ukázat se nepřijdou. Gajdoš s Hankou vyšli z chalupy. Netopýr jim uhnul před čely.»²⁾ Роман-хроника во всех трех томах является пестрой мозаикой сил, эпизодов и феноменов, которые переплетаются без ярко выраженной каузальной связи: «Anděl veliký jak mrak přikryl Javořinku. Rozplynul se v déšť. Tři dny a tři noci přšelo. Putny v nebi si o vodu sedřeli. Žádná baba se hvězd v dešti, daremných jisker, ani na Gazurovu radu nezeptala. Vesna nerodí se z vody, snu nebo blesku. Jak by mohla přijít z pouhé naděje? Ze všech stran blíží se k chalupám. Tisíci klíčků obkličuje dědinu. To je vojska! Útočí bez vyzvání. Rovně i křivě. Jak se dá. Na tělo. Jen když se baby chytí pluhů, na podzim zasely křici, zasejí jařinu, pomohou zeleným klíčkům v útoku.»³⁾ Или: «Těžko ukázat prstem. Zubatá má zuby z křemene. Hbitá je jak had. Kryje se za hřbet každému. Kosu má vyklepanou. Kosí stromy, kameny, lidi. V torně nesedí. Čertova robota.»⁴⁾ «Staří zasadili záhonek fazolí. Do jizby nejdou. Vzbudily se mouchy. Lezou po stěnách, vztekly štípou a podepisují se na zarámovných tvářích svatých na stěně.»⁵⁾ Таинственные проявления наступающей

весны, жизнь людей, растений, камней, летучих мышей, мухи на картинах святых, ночные прогулки влюбленных, война и работа на полях сливаются в одно космическое целое.

Зогата конструирует свою трилогию на основе известной гомологии форм. Распаду Австро-Венгрии соответствует постепенный распад дуального строения романа-хроники: «Sestřelili orlici a budou toho litovat. Potrvá dlouho, než ji oškubou do posledního pérka, upečou a snědí. Až probudí je příští den a hlad, nebem nezvedne hlas ani skřivánek...»⁶⁾ Как у Ч. Айтматова, так и у Й. Зогаты лейтмотивом является работа художника, искусство как высшая степень духовности. В трилогии это народные музыканты, певцы и резчики. Начиная со второго тома, усиливается поток песенных текстов на местном диалекте, как, например, песенка о каменщиках: «Muroře, muroře, / pěkně muruječe, / po jednej cegělce, / po jednej cegělce / do muru kladžeče. // Muroře, muroře, / co potřebuječe, / či vopna, či gliny, / či ladnej džyvčiny, / všecko dostaněče.»⁷⁾ Или в другом месте: «Ej, na Gírovej v čyrni, / čyrní, še tam čyrni, / éj, či to mila moja, / abo očka její.»⁸⁾ Характерна концовка второго тома *Овес на крышах*: «Po skosení vytáhne z truhly tačikovy gajdy a skřipky.»⁹⁾

В третьем томе усиливается исторический характер романа-хроники, ликовидируется дуальность, антиномии локальный – тотальный, место действия –

2) Dědictví zmizelých píšťal, s. 106. Цитаты приводятся по следующим изданиям: Dědictví zmizelých píšťal. TILIA, Šenov u Ostravy 1996; Oves na střeších. TILIA, Šenov u Ostravy 1996; Dřevěné pyramidy. TILIA, Šenov u Ostravy, SURSUM, Tišnov, 1998.

3) Dědictví zmizelých píšťal, c. 26.

4) Там же, с. 32.

5) Там же, с. 121.

6) Там же, с. 11.

7) Там же, с. 132.

8) Там же, с. 183.

9) Oves na střeších, s. 183 (после работы Павел Зогата занимается музыкой).

большой мир и подчеркивается мифический характер событий (образ Луципера = Люцифера, дьявола): «Luciper v rozsedlině skal ve svém vlastnictví mlel vítr, zaslechl babu a rozchechtal se tak, že připadal si v tu chvíli vládcem bab. Pojal ďábelský plán. Odedávna, ale nyní mocněji začal našeptávat chlopům a nejhlučněji Žofčinému, že světu vládnou lidé, rozdělují si jej křížek od křížku a každý vlastník paseky by si ji měl od sousedovy paseky oddělit svým kamenem se svým vytesaným křížičkem. Zeměměřiče nepotřebuje. Notář ve městě stejně myslí jenom na sebe.»¹⁰⁾ В определенной степени устраняется фрагментарный характер повествования, усиливается эпическая природа жанра, его документальный и исторический базис, в замкнутое место действия проникают все больше, сильнее, интенсивнее события из большого мира: «V Těšíně vyslychal Pavla ruský komandír. Jsi rolník? Idi. Pole tě potřebuje. Hitler je svině! vřeštěla Zembatka, když viděla Pavla vracet se. Také se vracela. Z kriminálu. Soudili ji v Katovovích. Za vojny nehla brázdou, příspěvek pro chudáky nedostala. Pustila si hubu z uzdy a křičela už tehdy, že Hitler je svině. Sousedé museli jít svědčit. Němec viděl je, když ji slyšeli. Dostala tři roky. Hluš u jiného soudu jen rok.»¹¹⁾ Об этом свидетельствует и объем третьего тома, который примерно на одну пятую больше, чем предыдущие два тома.

Поэтика романа-хроники отражает основные морфологические принципы построения жанра. Характерна уже поэтика названия: она относится к местности, к чему-то прочному, к стабильности жизне-

ного начала (*Dědictví zmizelých píšťal, Oves na střechách, Dřevěné pyramidy*); названия одновременно имеют эмблематическую природу (наследие предков, связанное с креативным подходом к жизни, связь овса и дерева с бытием человека, природы с человеческой общностью). То же характерно и для внутреннего членения хроники: названия отдельных глав выражают будто бы периферийные, не столь важные данные: это, скорее, цепи художественных деталей и моментальных эпизодов, зачастую носящие игривый и образный характер (*Amerika je za potokem, Šest dnů do týdne, šest dírek do píšťalky, Hrad bídy, Maštalka v ovesné slámě, Brázda do Těšína, Vojna o Račí potok, Osifovy varhany*); названия глав, в конечном счете, как бы отражают постепенный сдвиг от хроники к историко-документальному роману. Характерно и начало (*incipit*) отдельных томов: в первом томе начало *in medias res*: «Chodníčkem do školy Na třicátku jdou děti pomalu. V polích od školy k chalupám házejí po sobě kamením. Žluté ohně pryskyřníků je nesvedou ke škarpě. Vyšlehují z mokřiska, kde není kamení. Chlapce přitahují oraniska. Tam je kamínků! Petrklíče? Cha, cha! Květů i klasů je víc ve knížkách než na poli a do knížek se dívá, na očích zadržovaný brýlemi, jen bubák rector.»¹²⁾ Podobně v druhém a třetím: «Suchem pukaly krokve. Slunce zvedalo sroubené jizby, chlívky, stodoly, bruggy. Šindely držely je u země už letos, rok oře vykříšeným suchem. Na Kubově louce začali stavět mur.»¹³⁾ «Zeměměřič Langer ukázal prstem do země: ‘Tady! Chlop obrátil tragač, vysypal hranatý kámen, vykopal díru a kámen zasadil.»¹⁴⁾

10) *Dřevěné pyramidy*, s. 51.

11) *Dřevěné pyramidy*, s. 284.

12) *Dědictví zmizelých píšťal*, c. 15.

13) *Oves na střechách*, c. 13.

14) *Dřevěné pyramidy*, c. 13.

Концовка (*explicit*) имеет открытый характер, стремится к продолжению, указывает на открытую структуру произведения, иногда это даже поэтическая гнома, отражающая конец места действия, покидаемого прежними жителями: «Zobáčky o věž zvoní tažní ptáci. Svět netrvá milióny let. Trvá chvíli. Život je dar. / Svíce vysoké jak stromy plápolají od lesa. / Ozvěna odnáší les. / Přes práh, nohama napřed, vynesli tačika gajdoše. / Starek se starkou už také odešli. Vynášejí matku, Hanku a Janka. / Sbohem domove. Jurek si bude vědět rady. / Pavel, Maryna Hedvička protlukou se službách.»¹⁵⁾ В другом месте это скорее надежда в будущее, опирающаяся на креативность,¹⁶⁾ в последнем томе отчаяние и беспомощность: «Pavel zpíval. Čemu brání se, čemu brání? Kdo chtěl hranici, převraty a vojny? Němci, Poláci, Češi?»¹⁷⁾

Конструирование романа у Зогаты основано на отрывистости текста, на коротких предложениях, на простом синтаксисе и на особом остранении, которое зачастую вытекает из недостаточно освоенных основ чешского языка. Возникает эффект, известный из произведений других авторов, родной язык которых был не тот, на котором написаны их бессмертные творения (*Joseph Conrad* и *Guillaume Apollinaire* были поляки: соответственно *Korzeniowski* и *Kostrowicki*; орнаментальная проза Ч. Айтматова или Анатолия Кима в русской литературе и т. д.). Известно также и то, что их язык читатели воспринимали как особый, оригинальный, новаторский, зачастую и красивый, эстетически значимый.

Рассмотрим примеры таких предложений Й. Зогаты: «Pavel utíkal k jizbečce

pod lipkou, co mu nohy stačily. Tačík umí zpívat. Nejraději by se k němu nastěhoval. Tačíka nemusí prosit, aby zazpíval, zpívá víc než mluví. Jednu bojtku hezčí než druhou. Stovky bojtek. Pavel jich už polovinu zná.»¹⁸⁾ Образуется особая цепь, сеть, в которую входят отдельные разбитые предложения как продолжение единой истории. Поэтика произведения основана на сцеплении мнимо несвязных эпизодов, описаний, явлений, смысл которых виден только издали, с конечной позиции, когда перед нами вся структура трехтомника.

Романы-хроники написаны по-чешски, но с особым уклоном; их синтаксис похож скорее на силезские диалекты и польский, чем на литературный чешский. Это касается именно порядка слов, позиции энклитических слов *se, si* (в предыдущей цитате, например, *Čemu brání se?* вместо нормального *Čemu se brání?*). Определенная неловкость формулировок, корявость, неровность стиля имеет определенный эстетический вес, она действует на чешского читателя как желаемое остранение и устранение автоматизма поэтики, к которому он в родной литературе привык. Местами стиль Зогаты носит репортажный, документальный характер, будто бы он читал газету с актуальной информацией или заглядывал в учебник чешской или польской истории. С одной стороны, эти *loci communes* имеют свое место и выполняют свою функцию в жанровой структуре романа-хроники, с другой, они иногда лишь заполняют пустые места в романе, могут действовать как избыточные фрагменты всемирной истории, на которые можно сослаться одним-двумя предложени-

15) Svědectví zmizelých píšťal, с. 251–252.

16) Oves na střeších, с. 183.

17) Dřevěné pyramidy, с. 287.

18) Dědictví zmizelých píšťal, с. 27.

ями или в аннотациях и примечаниях. Слабость романной или хроникальной структуры состоит именно в известном противоречии между локальным характером действия и всемирным характером событий как, например, мировые войны, экономический кризис, массовая эмиграция в Соединенные Штаты Америки и т.д. Начиная с третьего тома, роман-хроника постепенно трансформируется в классический, хотя немного странный, исторический роман.

В романической хронике силезской трилогии Й. Зогаты определенное количество местных слов силезского, польского или немецкого происхождения. Их употребляет или сам авторский рассказчик, или они входят в состав индивидуальных словарей отдельных выступающих здесь романских лиц. Автор счел необходимым привести их список в конце каждого тома, где находятся такие слова как *rektor, sn-oza, starek, sumař, škubačky, taran, vykrovek, zovitka, štacion, vachtoř, lajbik, pival, pulka, kopno, kempa, joch, jalovisko, gekleta, kijonka, miškař, bidlo, brug, ščur, verk, zváda* и другие.

Язык и стиль Й. Зогаты носит, с одной стороны, черты строго соблюдаемого нормированного литературного языка – так обычно поступают те, кто движется в языковой материи неуверенно, ощупью. С другой стороны, автор стремится постоянно нарушать компактную структуру чешского поэтического языка и стиля путем употребления диалектизмов, чешских слов в особом, индивидуальном значении (все приведенные примеры почерпнуты из первого тома трилогии *Наследие исчезнувших свирелей*): *Mele o sto sedm* (с. 63), *Francuzsko* (с. 32), *tačik* (на многих местах), *vzrostlé děvče* (с. 99), *šerý vzduch* (с. 105),

pustevníci (с. 107) и т.д. Он будто бы разобрал чешский язык на первоэлементы и потом его снова собрал в одно целое, но по своим собственным правилам.

Романы-хроники Й. Зогаты свидетельствуют о наличии интересного механизма непрерывно возобновляемого равновесия лирической, эпической и драматической струй романа, вкратце все то, что когда-то привело В. Днепрову к осмыслению концепции романа как особого литературного рода – наряду с эпосом, лирикой и драмой.¹⁹⁾ Реалистические описания, художественные детали, некаузальные связи отдельных эпизодов переплетаются с драматизмом прямой речи: «Vrátila se k Pavlovi. Chalupu mají nedostavěnou, nocovat chodí stejně k rodičům. Vaří večeři. Mlčí. Je po hádce. Příkré jak zdi, na něž je třeba položit strop. Příkré jak strop bez hůrky a krokví pod střechou. Příkré jak ostrý déšť v mraze bílícím jej na vločky sněhu a brambory jsou v zemi. Dopoledne se mladí zas chytli. ‘Nic jsi nerobila! Krmili tě smetanou!’ vykřikuje Pavel na nejlíbeznější sny svého dětství a časného mládí. ‘Tobě zbyly po tatovi jen dlouhy!’ Příkré jak před krupobitím, když oves přeschl v ostrevkách a není ve stodole. Příkré jak v hliňáku vymodralé mléko, z něž sebrali smetanu, stloukli v máselnice a máslo prodali na trhu v městečku Milůvce za pár zlotých na vápno, písek, cement, podkovy a hřebíky. Na střepy rozříštilo se v noci zrcátko Měsíce, po němž si Pavlova matka a otec posílali dopisy, podobenky a vzkazy z jizbečky pod Gruněm, na jejímž místě si Jura postavil chalupu a jizbečka pod lipkou už je také rozebrána...»²⁰⁾

Особую функцию в произведении выполняет рассказчик и манера повествования в целом. Это как бы тургеневский рассказчик-свидетель, описывающий только

19) См. В. Днепров, *Черты романа XX в.*, Москва, 1965.

20) *Dřevěné pyramidy*, s. 63.

то, что видит, иногда это комментатор, некий свидетель большой истории или читатель, цитирующий какую-то всемирную хронику событий. Именно эта черта сближает словесную структуру романов-хроник Й. Зогаты с древними, средневековыми текстами, называемыми хрониками или летописями (*annales*). В них событийное ядро, обычно два-три сравнительно замкнутых сюжета (история Павла), на которые наслаиваются другие события, уже не столь важные по содержанию и функции в произведении, а, главным образом, масса описаний и литературных портретов: поток событий, веяния природы, животных и растений образуют единый ход истории, в котором отдельные индивидуальные судьбы лишь зернышко в хаотической мозаике вселенной.

Роман-хроника уже по своему методу документальной записи событий – реальных или фиктивных – противостоит любому схематизму и идеологизму: у Зогаты в его трилогии это обнаруживается везде, буквально на каждом шагу его повествования, наиболее выразительно в конце третьего тома *Деревянные пирамиды*, в котором преступления, убийства борющихся сторон стоят рядом, образуя не только пирамиду дров, но и пирамиду насилия – без начала и без конца.

В мозаике скорее постмодернистских произведений или массовой, тривиальной литературы, которые зачастую переплетаются в хаотической интертекстовой поэтике, возобновление древних жанров и традиционных жанров с более современной поэтикой и языком и стилем

подчеркивает важность альтернативы и нового синтеза и нового обращения к прошлому литературы: это попытка как бы заново посмотреть на язык и его поэтическую функцию. Определенный наивизм трилогии Й. Зогаты в смысле возвращения к истокам языка, к его праоснове, к древним приемам повествования в связи с конструированием художественного пространства и времени, которое мы когда-то назвали хроникальной пульсацией,²¹⁾ может выполнять ту функцию, о которой З. Матхаузер говорит как о *metahabilitas*,²²⁾ сближающую Й. Зогату с подобными талантами мировой литературы, какими были, к примеру, Н. С. Лесков и А. Ремизов.²³⁾

Усилие Й. Зогаты, направленное на образование новой поэтики на границе поэзии, прозы и драматических слоев текста (причем все слои резко отличаются друг от друга в рамках одного произведения) нелегко осуществить. Поэт борется со своими собственными моделями и схемами, с которыми он вступал в чешскую литературу. Он подходит к этой задаче скромно, покорно, с определенной неуверенностью: он вступает на территорию языка, которым старался овладеть на протяжении всей жизни и который он как бы заново образует и трансформирует. Не случайно он смотрит на мир через завесу чужих текстов и других жанровых традиций и поэтик, образуя особый мультикультурный, пограничный, интерэтнический, экспериментальный палимпсест. В этом его поэтика, стиль и язык одновременно традиционны и антитрадиционны.

21) См. наши книги *Ruská románová kronika*. Brno 1983; *Labyrint kroniky*. Brno 1986, *Genologie a proměny literatury*. Brno 1998, и другие работы.

22) Z. Mathauser: *Metodologické meditace aneb Tajemství symbolu*. Brno 1988.

23) Грачева, А.: Алексей Ремизов и древнерусская культура. *Studiorum Slavicorum Monumenta, tomus 19*, Российская Академия Наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). С.-Петербург, 2000.

summary**Σ The fragmentary novel–chronicle from the end of the 20th century (“The Heritage of the Lost Flutes”, “Oats on the Roofs” and “Wooden Pyramids” by Jindřich Zogata: the features of the genre, style and poetics)**

The author of the present study analyses the genre of the 20th-century fragmentary chronicle novel on the material of the so-called Silesian trilogy by Jindřich Zogata *The Heritage of the Disappeared Pipes* (Dědictví zmizelých píšťal, 1996), *Oats on the Roofs* (Oves na střeších, 1996) and *The Wooden Pyramids* (Dřevěné pyramidy, 1998). The novels are written in the form of the novel chronicle which was cultivated in the course of the 19th and at the beginning of the 20th centuries, especially in Slavonic and Scandinavian literatures (S. T. Aksakov, N. S. Leskov, J. Holeček, Knut Hamsun, V. and A. Mrštík etc.).

Zogata's prose depicts the region situated on the border of Moravia, Slovakia and Poland from the First World War up to the 1940's. The poetics of the novel reflects the morphological principles of the genre's construction: it is oriented on the region and on the stability of life forms. Zogata's novels contain an interesting mechanism permanently restoring the balance of the lyric, epic and dramatic elements. The poet Zogata has to fight with his lyric talent to realise the synthesis of the above-mentioned elements aiming at the formation of the multicultural, boundary, interethnic, experimental palimpsest. From this aspect, his poetics seems to be traditional and antitraditional at the same time.

267

Из произведений Йиндржиха Зогаты

Mýtiny. TILIA, Šenov u Ostravy 1995.
 Dědictví zmizelých píšťal. TILIA, Šenov u Ostravy 1996.
 Oves na střeších. Šenov 1996.
 Dřevěné pyramidy. Šenov 1998.
 Hlídače květin nikdo neuhlídá. Petrov, Brno 1997.
 Zvony odletěly do krajin. SURSUM, Tišnov 1997.
 Černý vzduch. „Zvláštní vydání“, Brno 1998.
 Když kvetou fazole. SURSUM, Tišnov 1999.
 Podnám v panelové pustině. SURSUM, Tišnov 1999.
 Zdaleka blízké. TILIA, Šenov u Ostravy 2000.
 S koně dolů (vězni špilberští). SURSUM, Brno 2001.
 Cirkus DNA. SURSUM, Brno 2000.
 Lámání biochleba. Ilustrace Mirka Fikrová-Zogatová. Větrné mlýny, Brno 2002

Из переводов

W. Przewzek: Příliš pozdní milenec. SNOZA, naklad. Kozimierz Gajdzica, Český Těšín 1999.

Из специальной литературы по творчеству Й. Зогаты

- Dokoupil, B.: Jindřich Zogata, in: Slovník českých spisovatelů od roku 1945. Nakladatelství Brána, Praha 1998, s. 709–711.
- Poezie je dech. Rozhovor s Jindřichem Zogatou. Rozmlouval Ivo Pospíšil. TVAR 1995, č. 20, s. 9.
- Pospíšil, I.: Kořen a výhonky. K šedesátinám básníka a prozaika Jindřicha Zogaty (*6. 8. 1941 Jaworzynka). Těšínsko, roč. XLIV, číslo 3, 2001, s. 14–20.
- Pospíšil, I.: Proudění ke kořenům. TVAR 1996, č. 19.
- Pospíšil, I.: Region jako místo původních kultur. Slovo 9. 1998, s. 8.
- Šajtar, D.: Doslov, in: Dřevěné pyramidy, Šenov 1998.

268

Литература

- Benjamin 1979: **Benjamin, W.** Vyprávěč. – In: B. W.: Dílo a jeho zdroj. – Praha.
- Central 2000: **Central Europe. Core or Periphery?** København: Copenhagen Business School Press.
- Centrisme 1999: **Centrisme interlittéraire des littératures de l'Europe Centrale.** – Literární studie. Práce Slovanského ústavu AV ČR, 5, Brno: Masarykova univerzita / Redacteurs: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka.
- Červeňák 2001: **Červeňák, A.** Člověk a text. – Nitra.
- Červeňák 2002: **Červeňák, A.** Člověk v texte. – Nitra.
- Dialog 2002: **Dialog. Komparatystyka. Literatura.** Profesorowi Eugeniuszowi Czaplejewiczowi w czterdziestolecie pracy naukowej i dydaktycznej / Pod redakcją naukową Edwarda Kasperskiego i Danuty Ulickiej. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR.
- Đurišin 1987–1993: **Đurišin, D. a kolektiv.** Osobitné medziliterárne spoločnosti. – Bratislava. – I–VI.
- Đurišin 1992: **Đurišin, D.** Čo je svetová literatúra? – Bratislava.
- Dwudziestowieczna ikonosfera 2002: Dwudziestowieczna ikonosfera w literaturach europejskich: Wizualizacja w literaturze / Pod redakcją Bożeny Tokarz. – Katowice: „Śląsk”.
- Eliade 1993: **Eliade, M.** Mýtus a věčném návratu. – Praha.
- Грачева 2000: **Грачева, А.** Алексей Ремизов и древнерусская культура. – In: *Studiorum Slavicorum Monumenta.* – tomus 19. – Санкт-Петербург: Российская Академия Наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом).
- Greenwood 1975: **Greenwood, E. B.** Tolstoy: The Comprehensive Vision. – London: J. M. Dent-Sons Ltd.
- Грифцов 1927: **Грифцов, Б. А.** Теория романа. – Москва.
- Haman 2000: **Haman, A.** Historie literatury a sociologie. – In: Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. – v, 2.
- Hodrová 1989: **Hodrová, D.** Hledání románu. Kapitoly z historie a typologie žánru. – Praha.
- Hodrová 1994: **Hodrová, D.** Místa s tajemstvím. – Praha.
- Hodrová 1994: **Hodrová, D.** Román ve 20. století – jeho teorie a praxe. – In: Česká literatura. – 3. – S. 227–254.
- Hodrová 1993: **Hodrová, D.** Román zasvěcení. – Praha.
- Hodrová 2001: **Hodrová, D. a kol.** ...na okraji chaosu... – Praha.
- Hrabák 1981: **Hrabák, J.** Čtení o románu. – Praha.
- Hubík 1994: **Hubík, S.** K postmodernismu obratem k jazyku. – Boskovice.
- Hubík 1999: **Hubík, S.** Sociologie vědění (Základní koncepce a paradigma). – Praha: SLOŇ.
- Humanistyka 1999: Humanistyka przełomu wieków / Pod redakcją Józefa Koźmieleckiego. – Warszawa: Wydawnictwo Akademickie „Żak”.

- Hvišč 1985: **Hvišč, J.** Poetika literárnych žánrov. – Bratislava.
- Hvišč 1979: **Hvišč, J.** Problémy literárnej genológie. – Bratislava.
- Ingarden 1931: **Ingarden, R.** Das literarische Kunstwerk. – Halle.
- Integrovaná 1999: **Integrovaná žánrová typologie** (Komparativní genologie). Projekt – metodologie – terminologie – struktura oboru – studie / Hlavní autoři: Ivo Pospíšil – Jiří Gazda – Jan Holzer / Editor: Ivo Pospíšil. – Brno: Masarykova univerzita.
- Janaszek-Ivaničková 2002: **Janaszek-Ivaničková, H.** Nowa twarz postmodernizmu. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Kautman 1968: **Kautman, F.** Literatura a filosofie. – Praha.
- Krejčí 2001: **Krejčí, K.** Sociologie literatury. – Brno: Editoři: Ivo Pospíšil – Miloš Zelenka. Vychází ve spolupráci Ústavu slavistiky a Literárněvědné společnosti AV ČR. Masarykova univerzita. – Úvodní studie: I. Pospíšil – M. Zelenka: Souvislosti sociologického přístupu k literatuře a komparatistické impulsy Karla Krejčího v meziválečném období: na pomezí sociologismu a strukturální estetiky. – S. 5–32.
- Literatura 1996: **Literatura a heterogeniczność kultury.** Poetyka i obraz świata. – Warszawa: Wydawnictwo TRIO.
- Litteraria 2001: **Litteraria Humanitas IX.** Cesta k duši díla: Miroslav Mikulášek. – Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky / vědec-ký redaktor: Ivo Pospíšil, výkonný redaktor: Ludvík Štěpán.
- Litteraria 1998: **Litteraria Humanitas V.** Západ a Východ II. Tradice a současnost (Literární směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa) / Red. Miroslav Mikulášek, spoluredaktoři: Jaroslav Fryčer, Ivo Pospíšil. – Brno: Masarykova univerzita.
- Litteraria Humanitas 1998: **Litteraria Humanitas VI.** Alexandr Veselovskij a dnešek. – Brno / Editoři: Danuše Kšicová, Ivo Pospíšil.
- Litteraria 2000: **Litteraria Humanitas VIII.** Komparatistika – Genologie – Translatologie. Krystyna Kardyni-Pelikánová. – Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky / vědecký redaktor: Ivo Pospíšil, výkonný redaktor: Ludvík Štěpán.
- Litteraria 2002: **Litteraria Humanitas XI.** Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Перекрестки культуры. Средняя Европа. – Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky / editor: Ivo Pospíšil.
- Лосев 1982: **Лосев, А. Ф.** Знак. Лосев. Символ. Миф. – Москва.
- Mathauser 1988: **Mathauser, Z.** Metodologické meditace aneb Tajemství symbolu. – Brno.
- Mathauser 1994: **Mathauser, Z.** Estetické alternativy. Jazyk vědy a jazyk poezie. – Praha.
- Mathauser 1982: **Mathauser, Z.** Literatúra a anticipácia. – Bratislava.
- Mathauser 1995: **Mathauser, Z.** Mezi filosofií a poezií. – Praha.
- Měšťan 2002: **Měšťan, A.** Česká literatura mezi Němci a Slovany. – Praha: Academia.
- Pospíšil, Zelenka 1996: **Pospíšil, I.; Zelenka, M.** René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. – Brno.
- Pospíšil, Zelenka 2002: **Pospíšil, I.; Zelenka, M.** Komparatystyka, poetyka i literatura światowa. O metodologicznych korzeniach i zależnościach koncepcji zespału Ďurišina. – In: Dialog. Komparatystyka. Literatura / red. Edward Kasperski – Danuta Ulicka. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR. – S. 231–250 (přel. Teresa Maria Pietrowska-Małek).
- Pospíšil, Zelenka 1998: **Pospíšil, I.; Zelenka, M.** René Wellek and Interwar Czechoslovakia: the Roots of Structural Aesthetics. – In: BUNMEI (Civilisation). – Tokyo. – 17 – S. 79–89.
- Pospíšil, Zelenka 1997: **Pospíšil, I.; Zelenka, M.** Zur Kategorie des Raums in der Literaturwissenschaft. Marginalien zu einem Phänomen der mitteleuropäischen Literaturen. – In: Germanoslavica IV (IX). – 1. – S. 179–189.

- Pospíšil 2002: **Pospíšil, I.** (ed.). Areál – sociální vědy – filologie. Kabinet integrované žánrové typologie. – Brno: Ústav slavistiky, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity.
- Pospíšil 1998: **Pospíšil, I.** Genologie a proměny literatury. – Brno.
- Pospíšil 2002: **Pospíšil, I.** Až se vyčesá... Úvahy – kritiky – glosy – eseje. Nadace Universitas Masarykiana, Nakladatelství a vydavatelství Nauma. – Brno: edice Heureka.
- Pospíšil 1998: **Pospíšil, I.** Literární dílo jako reflexe meziliterárnosti (Anatolij Kim – Jurij Rytgev – Čingiz Ajtmatov). – In: Litteraria Humanitas v1. Alexandr Veselovskij a dnešek. – Brno – S. 48–59.
- Pospíšil 2001: **Pospíšil, I.** Literární postava jako „zašité nůžky“ literární vědy. – In: Slavica Litteraria. – x – 4 – S. 51–58.
- Pospíšil 2002: **Pospíšil, I.** Pragnienie ścisłości i historyzmu: nauka o literaturze w atmosferze postmodernizmu. Teksty drugie. – 4. – S. 195–201.
- Pospíšil 2000: **Pospíšil, I.** Problémy humanitních věd a literární věda: velké krize a velká očekávání. – In: Literární věda na prahu 21. století. Nauka o literaturze u prahu XXI stulecia. Sborník z mezinárodní vědecké konference. Mate-riály z międzynarodowej konferencji naukowej. – Opava. – S. 42–51.
- Pospíšil 1992: **Pospíšil, I.** Rozpětí žánru. – Brno.
- Pospíšil 1983: **Pospíšil, I.** Ruská románová kronika. – Brno.
- Pospíšil 1998: **Pospíšil, I.** Pospíšil, I.: Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století. – Brno.
- Pospíšil 2002: **Pospíšil, I.** Средняя Европа как духовное пространство и роль литературоведения. – In: Litteraria Humanitas x1. – Brno: Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Перекрестки культуры: Средняя Европа. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky / editor: Ivo Pospíšil. – S. 7–17.
- Pospíšil 1996: **Pospíšil, I.** The Crisis of Tradition in Russian Literature and the Postmodernist Atmosphere. – In: Postmodernism in Literature and Culture of Central and Eastern Europe. – Katowice. – S. 123–130.
- Pospíšil 2000: **Pospíšil, I.** The Danger of Loneliness: the New Splendid Isolation. – In: Reinhard Ibler (Hrsg.): Von der sozialistischen zu einer marktorientierten Kultur? – Würzburg. – S. 83–96.
- Pospíšil 1996: **Pospíšil, I.** The Early Anglo-American Reflections in Russian Literature. – In: Germanoslavica. – Nr. 1 (vIII). – S. 67–75.
- Pospíšil 2000: **Pospíšil, I.** The Hidden Kernel of Paradox: the Chronicles of Anthony Trollope and Nikolai Leskov. – In: Germanoslavica. Zeitschrift für germano-slawische Studien, v11 (x11). – Nr. 1. – S. 35–40.
- Pospíšil 1984: **Pospíšil, I.** Tvar a funkce metarománu. – In: Světová literatura. – č. 3. – 251–253.
- Pospíšil 2001: **Pospíšil, I.** Úskalí „nové komparistiky“, inovace, skepse a odvrácená tvář literárněvědných metod. – In: Litteraria Humanitas. Slavistika a balkanistika x. – Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky. – S. 49–54.
- Pospíšil 2002: **Pospíšil, I.** Vizualizace v komplexu uměleckých detailů v románu Oty Filipa Sedmý životopis. – In: Dwudziestowieczna ikonosfera w literaturach europejskich. Wizualizacja w literaturze. Pod redakcją Bożeny Tokarz. – Katowice. – S. 299–307.
- Pospíšil 2002: **Pospíšil, I.** Mitteleuropa und Tschechoslowakei: Suche nach einem litera-turwissenschaftlichen Kompromiss. – In: Litteraria Humanitas x1. Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Перекрестки культуры: Средняя Европа. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky Brno / editor: Ivo Pospíšil. – S. 143–158.

- Simonek 2002: **Simonek, S.** Distanzierte Nähe. Die slawische Moderne der Donaumonarchie und die Wiener Moderne. Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext. Herausgegeben von Leopold R. G. Decloedt, Stefan Simonek. Peter Lang. – Bern – Berlin – Bruxelles – Frankfurt a. M. – New York – Oxford – Wien.
- Žilka 1998: **Žilka, Tibor** (editor). Tracing Literary Postmodernism. – Nitra: University of Constantine the Philosopher, Faculty of Humanities, Institute of Literary Communication.
- Туѓанов 1987: **Туѓанов, J.** Literární fakt. – Praha.
- Тягырышкина 1997: **Тягырышкина, Е. В.** «Крестовые сестры» А. М. Ремизова: концепция и поэтика. – Новосибирск.